

[illegible][illegible]

Чермен Карацев

Психопат

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Карацев Ч.

Психопат / Ч. Карацев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Книга основана на реальных событиях 2015 года. Некоторые сцены изменены и художественно приукрашены.

© Карацев Ч., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Анна шла по длинному коридору в сторону своего офиса. Ее стройная фигура, по-кошачьи плавно изгибаясь, гипнотически притягивала к себе посторонние взгляды. Стук каблучков, как хронометр, отсчитывал секунды до того момента, когда эта красота исчезнет из виду за дубовым полотном двери, оставляя позади себя еле уловимый шлейф сладковатого парфюма. Она давно работала в этом медицинском центре и считалась очень талантливым психиатром. Ей всегда удавалось использовать нестандартные подходы к собеседнику, раскрывать его слабые стороны, интуитивно находить уязвимые места. Ее по праву считали незаурядным специалистом в области психоанализа, можно сказать, инструментом последнего действия. Анна умела выудить информацию, найти суть проблемы, которая являлась истинной причиной тех или иных проявлений психики. Именно проявлений, она не любила слово «расстройства».

Хлопнувшая позади дверь, отделила ее внутреннюю сосредоточенность от обычной суеты переполненного офиса. День начинался как обычно, перекачиваясь от одних рутинных действий к другим: положить на стол сумочку и ключи, снять верхнюю одежду и бегло окинуть взглядом свежую почту на рабочем столе. Каждое утро проходило по одному и тому же сценарию, превращаясь в своего рода ритуал перед началом рабочего дня. Так сознание потихоньку просыпалось, вкатываясь в ритм мегаполиса, приспосабливаясь к обстоятельствам нового дня.

– Доброе утро! – услышала она за спиной голос своего секретаря.

Молодая девушка поздоровалась и быстро прошла к своему рабочему столу, впуская за собой шум перевозбужденного коридора. Она опустилась в кресло и стала перебирать какие-то бумаги.

– Доброе утро, Лиза! – ответила на приветствие Анна, присаживаясь напротив. Скинув с себя туфли, она с большим удовольствием стала массировать уставшие стопы ног. Сегодня, вопреки обычному, она пришла на работу пешком. Ей самой показалось это утреннее желание странным, но она не стала ему сопротивляться и отправилась с Фрунзенской набережной через парк им. Горького на Ленинский проспект в туфлях на высоком каблуке. Теперь эта утренняя дурь отзывалась спазмами в икроножных мышцах. – Ну, как у тебя дела?

Доверительные отношения, которые сложились в их немногочисленном коллективе, давали ей право на такую фамильярность. Первое утро новой рабочей недели после восхитительных выходных располагало к привычному в женском понимании обмену сплетнями.

– Вы видели? – произнесла Лиза, сделав вид, что не замечает вопроса. – Вас уже ждут.

Закончив фразу, она кивнула в сторону кабинета, в котором обычно происходил прием пациентов.

– Ранним утром приперся и сидит. Ни направления, ни страховки... – продолжила она с плохо скрываемым раздражением. – Сунул мне под нос свою медицинскую карту и молча прошел прямо в кабинет. Ни тебе здравствуй, ни тебе до свидания. Как у себя дома.

Анна внимательно посмотрела на дверь, скрывающую посетителя от постороннего взгляда. Она будто попыталась проникнуть сквозь отделяющую их перегородку, чтобы почувствовать скрытую за ней неопределенность.

– А я что? Я ничего... Я человек маленький. Мне сказано проявлять сдержанность и тактичность, я и проявляю... – не унималась Лиза, постепенно поднимая интонацию на градус своего возмущения.

Анна продолжала смотреть на закрытую дверь, почти не слушая раздраженную речь Лизы. Она прекрасно понимала, что в той сейчас говорит уязвленное самолюбие. У Лизы, как у многих молодых девушек, были завышенные требования к жизни в плане комфорта и благополучия, которые противоречили их реальному положению. Отсюда все эти всхлипы и истерики, эмоциональные всплески затравленной обстоятельствами души. Анна поняла это сразу. Профессиональная оценка любой невольно брошенной фразы происходила у нее на уровне подсознания. Не задаваясь мыслью о психоанализе, она все равно анализировала, даже если

в этом не было необходимости. В этой ее внутренней настройке не было тумблера переключения от специалиста к обычной дурочке. Связи между нейронами в мозгу были настолько спаяны, что нарушить их одним усилием воли не представлялось возможным. Иногда это очень мешало, особенно в повседневной жизни. Она считывала своих собеседников моментально, вычленив из общего потока информации истинную силу, толкающую их на поступки. Может быть, поэтому ее личная жизнь не складывалась. Ей трудно было притворяться оболваненной и покоренной, даже если обстоятельства этого требуют. Трудно было делать вид, что не замечаешь психологических приемов, которые используют мужчины, соблазняя, ведь специалисту они кажутся, порой, топорными и неумелыми. Анна прекрасно все про себя понимала. Она была великолепно сложена, с неярко выраженной асимметрией лица, которая лишь подчеркивала ее завораживающую красоту. Она была объектом вожделения для противоположного пола и уже привыкла, до скрежета в зубах, к этим неуместным наскокам в ее кабинет самоуверенных донжуанов с прокуренной улыбочкой и выступающим за габариты пивным животиком. Она прекрасно с этим справлялась, потому что ее внутренняя сила действовала на мужчин, как дуст на тараканов.

Однако этот случай был другим. В этот раз ей показалось, что ее ждет встреча с чем-то необыкновенным. Это томительное чувство посасывало у нее в груди, медленно перетекая к нервному центру. Там за дверью ее ожидает очередной пациент, но что-то ей подсказывало, что это не так.

– Ты все правильно сделала! – успокаивая Лизу, а заодно и себя, произнесла Анна. Она замерла лишь на секунду, давая возможность обостренным чувствам сканировать разделяющее их пространство, прощупать возможное развитие ситуации. Потом ловко надела туфли и, взяв в руки потрепанную медкарту, направилась к двери.

Преодолев эту преграду, Анна сделала несколько шагов вперед и беззвучно опустилась в кресло напротив пациента. Она не спешила начинать разговор, словно осматриваясь и привыкая к давно знакомой обстановке кабинета. Мужчина 35 лет неподвижно сидел на диване. Его взгляд сопровождал любое ее движение, скользя по телу и спотыкаясь об каждую складку на одежде. Его дыхание было ровным и спокойным, что выдавало в нем внутреннюю силу и уверенность. Таким людям обычно не требовалась внешняя оценка, так как они сами зачастую оказывались сторонними наблюдателями за жизнью. «Тогда зачем он здесь?» – подумала она.

– С чего начнем? – неожиданно спросил он.

– Давайте с самого начала, – ответила Анна.

– С самого начала?.. – повторил он ее слова, как будто задумавшись над собственной точкой отсчета. – Начало любого отрезка времени является лишь окончанием прошлого, в котором, как в зеркале, отражаются события будущего.

Она в ответ лишь иронично улыбнулась. Философия не была ее сильной стороной, тем более что вступать в полемику с пациентом было не этично. Это его видение мира, в котором она должна была помочь ему разобраться.

– Ну хорошо, – тихо произнес он и о чем-то задумался. Его взгляд уперся в пол, пытаясь найти поддержку своим переживаниям. – Когда события накладываются друг на друга, трудно вычленив отправную точку повествования. Сложно обозначить начало у замкнутого круга, потому что начало – это лишь... – он запнулся.

– ...продолжение прошлого, – закончила его фразу Анна.

– Да, я уже об этом говорил, – смущенно улыбаясь, сказал он. – Странно, мы совсем не обращаем внимания на такие простые подсказки, а ведь они составляют основу геометрии бытия.

Разговор не клеился и напоминал гостя перед запертой дверью. Анна сразу почувствовала натянутую пустоту разделяющего их пространства. Как нарыв, который требует прокола, чтобы извергнуть из себя гнетущую жижу, так и сознание собеседника, закупоренное внутренними

страхами, сейчас нуждалось в бесцеремонном внешнем воздействии. Она еще раз внимательно на него посмотрела, давая визуальную оценку положению его тела, рук, блуждающего взгляда. В ее мозгу нейронные импульсы замкнули некую логическую цепочку, и следующая фраза родилась сама собой:

– Вы кого-то боитесь? – резко произнесла она, пряча за локонами светлых волос изучающий собеседника взгляд.

Это заставило его вздрогнуть от неожиданности. Он сделал глубокий вдох и посмотрел на Анну. Секундная пауза дала возможность его мыслям выстроиться определенным порядком, сохраняя последовательность и логический ряд событий, которые он хотел изложить. Он не стал опровергать ее предположение, ему оно показалось слишком точным. Возможно, внутренний страх все-таки пробивался наружу сквозь непроницаемую маску лица.

– Все дело в моих видениях, – медленно, словно с опаской, начал он. – Сначала они были, как обрывки снов, разрозненные и не связанные между собой. Они наполняли мое бессознательное состояние яркими, сочными картинками из реальной жизни. Я понимал, что сплю, но при этом отчетливо воспринимал запахи, фактуру, объем предметов, с которыми в этих снах соприкасался.

Он неожиданно замолчал, погрузившись в атмосферу своих воспоминаний. Его глаза были открыты, но взгляд утопал в глубине собственной души.

– Вскоре эти видения стали выстраиваться в уже понятные, связанные между собой цепочки. Я мог наблюдать со стороны за развитием событий, за их героями, слышать голоса, чувствовать эмоции. Я стал хранилищем их тайн, интриг, прочих человеческих коллизий. Я теперь знаю о них больше, чем они сами друг о друге. В какой-то момент видения перестали приходить только во сне. Я до сих пор не могу контролировать их поток, но иногда мне достаточно сосредоточиться, чтобы окунуться в мир, скрытый от иного обывателя. Однако самым захватывающим являются не столько сами события, сколько персонажи, которые в них задействованы.

Анна расправила плечи и удобно, насколько позволяла конфигурация кресла, откинулась на спинку. Ее дыхание то и дело приподнимало широкий воротник блузы, равномерно разгоняя по комнате аромат духов. Она внимательно его слушала, пытаясь уловить в этой незнакомой мелодии речи только ей понятные ноты. Блики света очерчивали овал его лица, играя длинными тенями, в которых прятались характерные детали его внешности. Она почти не видела цвета его глаз, лишь очертания разреза, изредка улавливая холодный металлический блеск в глубоко посаженных глазницах.

– И кто же эти люди?

Ответа не последовало. Он сделал вид, что пропустил эту часть вопроса, думая о чем-то своем. Четко выдерживая паузы и обрывая логические цепочки, он держал ее своим рассказом в напряжении, постепенно овладевая сознанием. Она это почувствовала, но противиться пока не хотела.

– Наверное, это очень интересно – подглядывать за чужой жизнью? – произнесла она.

– Каждый из нас делает это ежедневно в социальных сетях. Ведь именно такая возможность делает их популярными, – ответил он, пряча улыбку в уголках своих глаз. Высказанный им ироничный упрек говорил о понимании в построении психологической структуры мышления человека.

Он сделал паузу и вдохнул свежую порцию воздуха, словно тем самым перелистывал страницу в воспаленном сознании.

– Я не сразу обратил внимание на нестыковку в маленьких деталях, но когда понял, что многие из этих событий еще не произошли, то все встало на свои места.

– Значит, вы в состоянии видеть события из будущего? – немного взволновано спросила Анна.

Несмотря на свою подготовку и долгую практику психолога, она не смогла скрыть удивления в голосе. И он это уловил, медленно подняв на нее глаза. Наверное, впервые за эти минуты разговора она почувствовала на себе поток его обжигающей энергии, вонзающийся мелкими иголочками глубоко под кожу.

– Вы меня абсолютно не слышите. Я же вам говорю: начало каждого отрезка – лишь продолжение предыдущего, – сухо и резко произнес он. – Мне не нужно заглядывать в будущее, мне достаточно знать, что происходит сейчас, чтобы точно определить вектор развития событий. Они лишь помогли мне понять, по каким законам все это выстраивается, как это все работает, как крутятся эти невидимые шестеренки и какие у нас существуют рычаги воздействия на эту подвижную систему.

Его голос не сотрясал воздух излишними вибрациями звука, но был наполнен необыкновенной силой, пронзающей пространство.

– Смотрите! – он вытянул руку и повернул ее ладонью вверх. – Вы что-нибудь видите?

– Ничего, кроме открытой ладони, – ответила она.

Другой рукой он достал из кармана маленький пластиковый контейнер и, откупорив его крышку, высыпал на ладонь металлическую пыль. Образовав сначала горочку, она без видимого воздействия стала расплзаться по плоскости ладони, вырисовывая при этом причудливый геометрический узор.

– А теперь?

– Не стану утверждать, но очень похоже на дуги силового поля, – ответила она.

– Правильно! Силовое поле. Но ведь оно было тут и раньше, и вы не видели его лишь потому, что оно не отражает свет. Металлическая пыль лишь визуальное его проявила. Точно так же, как окрас шерсти зверей и пигментация растений выдает отображение тех полей, в которых они сформировались. Никогда не обращали внимания на поразительное сходство структуры кровеносных сосудов и разветвление русла рек? В природе много факторов, схожих по видимым нам проявлениям. Все, что мы можем наблюдать, это лишь часть скрытой от глаза единой структуры: гармоничной, красивой и пластичной, спрятанной от постороннего взора, энергии. Она поражает воображение своей мощью и присутствием интеллекта. И то, что мы ее не видим, не исключает того, что она есть. Это всего лишь проблемы зрения. Наши глаза не способны видеть объекты, не отражающие свет. Неприятие этого факта – проблема узкого сознания, которое воспринимает только барашков на гребне волны, не видя самого океана.

Он замолчал. Странные порывы его безудержной речи снова прервались напряженным молчанием. Его настроение менялось стремительно, подобно синусоиде, то взлетая вверх, то низвергаясь вниз. Мысли вырывались наружу из-под скованного волей подсознания. Было понятно, что многое, из того, что он знал, он не говорил.

– Если бы человек видел, все, что происходит вокруг него, он бы сошел с ума, – закончил он.

– А мы, по-твоему, видим не все? – спросила она, сознательно перейдя на «ты», чтобы завоевать его расположение.

– Не более пяти процентов из того, что нас окружает.

Она отложила в сторону блокнот, на котором постоянно во время разговора делала какие-то пометки, и наклонилась вперед, чтобы поближе рассмотреть его лицо. Услышанное вызвало в ней волну неподдельного интереса.

– И что же скрыто за границами этих пяти процентов?

Он хитро улыбнулся и увел взгляд от прямого соприкосновения. Он всем видом пытался показать, что дальнейший разговор на эту тему является бесполезным для неподготовленного собеседника.

– И все-таки? – не успокаивалась она.

– Другая реальность. Другой мир, сформированный благодаря способности вещества находиться в нескольких местах одновременно.

– Но ведь это невозможно! – скептически улыбнулась она.

– Да, действительно, «Это невозможно!» – говорили люди, когда им пытались объяснить, что планета круглая. Я до сих пор, например, не могу понять, как океаны удерживаются в своих границах на этой выгнутой поверхности сферы. Как люди ходят по земле, находясь вверх ногами по отношению к ее оси. Это невозможно понять, но мы принимаем это, как свершившийся факт, который не получается игнорировать, так же, как не получается игнорировать такое явление, как скачок электрона, который исчезая на орбите одного элемента, тут же появляется на орбите другого, вне зависимости от расстояния в миллионы световых лет. Мы видим всего лишь пять процентов того, что нас окружает, а беремся утверждать, что возможно, а что нет. Нам бы стоило поубавить спеси в вынесении вердикта об устройстве того, чего мы никогда не видели. Пора смириться с той ролью, которая человеку отведена. Мы можем лишь подмечать некие странности, происходящие с нашим сознанием. Анализировать в какие дебри оно окунается в своих сновидениях, рождая при этом вещие сны. Никогда не задумывались, почему нам так необходимо каждую ночь закрывать глаза и уходить из этой реальности? Каким образом в этих снах мы получаем информацию, наличие которой раньше и не предполагали? – он сделал паузу, чтобы сконцентрировать внимание собеседника на завершающей фразе. В уголках его губ застыла снисходительная улыбка. – Для космоса мы так же виртуальны, как и герои в компьютерных играх. Помните, что сказал Будда: «Вы не можете любить и страдать, вам не может быть больно, потому что вас нет». Нас нет! Для космоса мы всего лишь голограмма.

Он говорил негромко, не выделяя смысл интонацией или эмоциональной окраской. Монотонно, словно робот, но слова, подобно стрелам, слетали с его уст, рассекая свистом пространство.

– Будущее – это живая и слишком подвижная структура. У него нет ограничений временного исполнения. Все может произойти немедленно, либо растянуться на годы, – он замолчал, снова опустив взгляд, – либо вообще исчезнуть в пространстве.

Он снова выпрямился и внимательно посмотрел на нее.

– Вы даже себе представить не можете, насколько гармонична и красива структура самой вселенной. Как тонко настроена наша с ней взаимосвязь. Мы настоящие повелители стихий, но своим невежеством и примитивностью только портим картину мира неумелыми мазками.

Анна слушала его внимательно, подмечая происходящие с ним изменения. Его уверенность сменилась растерянностью, зрачки снова расширились, а пальцы рук пробивала судорога.

– Кто – они?

Он с удивлением взглянул на нее.

– Ты сказал: «Они показали мне, как все это работает». Ну так кто – они?

Он выглядел совсем растерянным. Как-будто школьник, наговоривший лишнего. Судя по быстрому движению зрачков, он судорожно пытался найти внутреннюю опору, чтобы начать ей доверять.

– Если бы я только знал. Они управляют моим сознанием, и я ничего не могу этому противопоставить. У меня нет сил сопротивляться их воле.

– Вы сознательно называете это внешнее воздействие «они», во множественном числе?

– Да! Потому что они, по моим ощущениям, разные, с разными целями и разными инструментами влияния на меня.

– Это и есть причина страха?

– Когда они приходят, то это уже не я.

Анна почувствовала его волнение перед неосознанным. Она попыталась успокоить нарастающую в его душе напряженность.

– Видения приходят и уходят. Они имеют некую логическую завершенность. Но ведь это всего лишь сны, которые по своей сути не могут содержать никаких прикладных последствий. Сны, они, как туман, появляются внезапно и исчезают в никуда. Если же вас тревожат кошмары, то я могла бы выписать курс препаратов, корректирующих работу вегетативной нервной системы. Это должно вас успокоить...

Анна прервалась. Пациент смотрел на нее, не моргая, каким-то замутненным взглядом. Он либо не понимал, о чем она говорит, либо вовсе здесь не присутствовал. Его зрачки расширились, залив почти всю радужную оболочку черным пятном. Дыхание визуально не наблюдалось, лишь крылья носа мелкими вибрациями изредка проталкивали вовнутрь воздух. Пальцы рук, переплетенные в едином хвате, побелели от напряжения.

Такое странное поведение насторожило Анну. Она наклонила корпус вперед, чтобы встать и коснуться его руки, как вдруг снова почувствовала на себе колючий взгляд.

– Как он это делает? – неожиданно для нее спросил он. Положив руки на колени, он подвинулся ближе к ней. – Как фотону удастся находиться в разных местах одновременно? Вы понимаете меня? В нескольких местах одновременно.

Со стороны это выглядело так, будто только что он сообщил ей некую секретную информацию, способную перевернуть все восприятие реальности.

Анна откинулась в кресло. Ей требовалось время, чтобы прийти в себя.

– О чем это ты?

Он снова сделал вид, что не услышал вопрос. Его энергетика ледяной дрожью прокатилась у нее по коже.

– Я тоже сначала так размышлял: сны – и сны, ничего особенного. Если бы не это! – закончив фразу, он сунул руку в карман брюк и достал оттуда аккуратно сложенную обертку от конфеты. – Я ел ее во сне. А вы говорите никакого прикладного значения.

Анна бережно взяла этот блестящий фантик с его раскрытой ладони, пошуршала им для достоверности ощущений и медленно поднесла к носу. Сладковато-карамельный запах тонкой струйкой заполнил собой рецепторы обоняния.

– Были еще недокуренная сигара, крышка от виски Black Velvet, прочие безделушки. Я прихватывал их с собой, чтобы еще раз доказать себе... – не закончив фразу, он замолчал.

– Доказать что? – ошарашенная таким поворотом разговора, спросила Анна.

– Что это не просто сны. Кто-то извне пытается через меня вести свою игру.

Звук пришедшего на телефон Анны эсэмэс разбил на тысячу невидимых осколков повисшее в воздухе оцепенение. Обычно она, проводя сеансы терапии, телефон отключала. Но в этот раз все с самого начала пошло не так, и забытый ею гаджет со своим оповещением был как нельзя кстати. Она, естественно, не собиралась просматривать сообщение, это было бы совсем не к месту, но по инерции взяла телефон со стола и взглянула на экран. Ей нужно было взять паузу и, не показывая своего замешательства, осмыслить услышанное. Слишком странным ей показался пациент. Эти его неожиданные провалы во взгляде и восприятии. Он как будто отключался от реальности, которая его окружала. Этот неподдельный страх... Анна даже физически чувствовала на себе холодную волну во время его обострения. Совсем не придавая значения словам пациента о невидимых силах, владевших его сознанием, она пыталась найти в другом причину таких изменений. Ей стало интересно понять, что же могло служить толчком для расстройства психики, спусковым крючком для подобных видений. Все еще выдерживая паузу, Анна открыла его медкарту и, не отдавая себе отчета, механически положила туда обертку от конфеты. Перебирая листы, она бегло просматривала различные заключения специалистов, эхограмму сердца, выписку о результатах МРТ мозга. Стандартный набор анализов и обследований, выписки из медучреждений. Она по крупницам складывала из них для себя общую картину о состоянии здоровья этого пациента, перенесенных травмах, возможных патологиях. Она подметила, что в юном возрасте у него были незначительные травмы головы,

а в 22 года он пережил клиническую смерть. Судя по результатам МРТ, это стало причиной новообразования в височной части левого полушария и привело к гормональным изменениям всего организма. Анна пыталась выудить из этих разрозненных сведений истинную причину таких необычных видений у своего собеседника. Однако это требовало сосредоточения, а ее мысли то и дело возвращались к пришедшему эсэмэс. Оно было от дочери. Редкость в их непростых взаимоотношениях. Просто так она бы не стала ничего ей писать. «Конфета... – подумала она. – А что это доказывает? Она вполне могла быть куплена в каком-нибудь супермаркете. Нет, это вовсе не аргумент».

– Прочтите, это важно для вас, – произнес он, указывая на телефон.

Анна отвлеклась от своих размышлений и посмотрела ему в глаза. Так смотрят, когда хотят окончательно в чем-то себя убедить, сделать такую контрольную проверку намерений. Только после этого она взяла телефон и, разблокировав экран, прочла текст: «Мама, я влюбилась».

Волнение тут же обожгло все в груди и по обыкновению яркими пятнами проступило на лице. Несмотря на свой возраст, Анна до сих пор не могла контролировать подобные всплески и всякий раз краснела, как ребенок. «Наконец-то!» – выдохнула она. В ее душе давно теплилась надежда, что однажды это произойдет и с ее дочерью. Ведь Катя была не такой «вызывающе красивой», как мать. Обычная, простенькая, как сотни других. По крайней мере, внешне. Анна по этому поводу сильно переживала и, как любая мать, принимала любые неудачи своего ребенка на свой счет. Ведь материнское сердце не воспринимает красоту ребенка через призму симметричности линий лица и стройности фигуры. Для нее ребенок красив уже по факту своего рождения, без поправок на привлекательность и без сносок на «золотой характер». Конечно же, как психолог, Анна подмечала, что по мере взросления вопрос сексуальной непривлекательности у дочери стал все острее противоречить ее внутреннему состоянию. Постоянные эксперименты Кати с внешностью ставили Анну в тупик. Отсюда участвовавшие скандалы и возрастающее напряжение в общении. Катя не понимала того, что отсутствие мужского внимания определялось ее сдержанностью и скромностью в поведении, что сразу отпугивало потенциальных ухажеров. Она не умела посылать им сигналы о своей заинтересованности, не могла притворяться доступной дурочкой, всегда готовой на легкий флирт. Отношения между женщиной и женщиной для нее имели некий глубокий смысл, вычитанный из многочисленных книг и размалеванный кинематографом. Дело было вовсе не в отсутствии милой мордашки. Просто в отношениях с ней надо было быть честным и прямолинейным, при этом в ответ довольствоваться лишь лаской и теплом. У большинства же сверстников половое влечение сводилось к слюнявым поцелуям и похотливым объятиям.

Анна выключила телефон, мысленно стараясь успокоить нарастающее внутри волнение. Чувство радости первому шагу ребенка, первому произнесенному слову, дополнилось первой влюбленностью. Ее фантазия сразу стала вырисовывать контуры того, кто теперь наравне с ней владел сердцем дочери. В ее фантазиях эти контуры были великолепны. Наконец-то исчезнут поводы для скандалов между ними. Теперь-то они снова смогут общаться, как две подружки.

В юном возрасте человек подспудно ищет свое место в обществе, выставя условные оценки своей привлекательности, уму и приспособленности к жизни, востребованности у противоположного пола. В юном возрасте мы впервые понимаем, чего стоим и как впоследствии сможем этим воспользоваться. В этом возрасте мы впервые пробуем снимать запреты на ограничение собственной свободы. Почти всегда это происходит через конфликты с близкими, которые в любом случае поймут и простят. Их мы не боимся ударить побольнее. Ведь самоутверждаться всегда удобнее через пренебрежение теми, кто тебя любит. Их расположение всегда можно вернуть назад.

– Молодость – тревожная пора. Становление личности, поиски своей системы координат, самоопределение в обществе... Бесконечные поиски смысла, – задумчиво произнес пациент.

Анну поразило, с какой точностью его фраза прозвучала в унисон ее собственным переживаниям. Произошло это случайно или он способен тонко улавливать эмоциональное состояние собеседника, стало для нее дополнительной загадкой. С самого начала все пошло не так, не по ее сценарию. Личность человека, сидевшего напротив нее, стала вызывать дополнительный интерес.

– Однажды, в классе восьмом, я поинтересовался у учителя физики, – как ни в чем не бывало, продолжил он, – почему все планеты имеют форму шара?

– Учитель, не задумываясь, ответила мне: «Потому что это самая рациональная форма: так, при сохранении наибольшей массы, тело занимает наименьший объем».

– Тогда я снова спросил ее: а кто в космосе отвечает за соблюдение рациональности?

Она посмотрела на меня изучающе, но, так и не ответив, начала урок.

– К чему этот пример? – спросила Анна.

– А как вы думаете, неужели есть кто-то, кто соблюдает рациональность в построении космических объектов? Или же в космосе все само по себе стремится к рациональности? Служит ли это подтверждением наличия у него интеллекта? – с загадочной улыбкой спросил он. – Следует ли из этого, что все, что не рационально, подлежит уничтожению? В этом случае человеку есть чего опасаться, не правда ли?

– По-твоему человек иррационален?

Давая понять, что ответа не последует, он плавно перевел взгляд в пол. Анна впервые заметила силу в его взгляде, искусно сдерживаемую в границах собственного сознания. Искры этой энергии, отрываясь от внутреннего пламени, насыщали собой пространство между ними. Анна отчетливо чувствовала, как висящее в воздухе напряжение пробирало колючими мурашками ее кожу на оголенных участках тела.

Она снова откинулась на спинку стула, немного поерзав, как бы скидывая с себя услышанное, словно наваждение. Подперев рукой подбородок, она внимательно рассматривала своего собеседника, выискивая во внешности ключ к его витиеватым размышлениям.

– Очень странная у тебя медкарта: ни фамилии, ни имени. Может быть, скажешь, как тебя зовут?

– Называйте меня как угодно, для меня имя ничего не значит. Это лишь отпечаток моего присутствия в вечности.

– Но мне же надо к тебе хоть как-то обращаться.

Он промолчал и продолжил рассматривать пол, каждый раз пытаясь уйти от прямого соприкосновения взглядов. Свет его души, отражаясь в хрусталике, лишь изредка, скользнув по ее ресницам, тут же прятался где-то в глубине.

– Итак, видения, которые приходили к тебе, стали более-менее связанными. Что же случилось потом? – спросила она, решив неожиданно вернуться к начатой теме. Анна сделала это намеренно, пытаясь сломать только ему понятную систему разговора, с помощью которой он так ловко манипулировал ее сознанием.

– Потом я увидел себя, – тихо произнес он. – Я стоял над собственным телом, которое распласталось лицом вниз на дорогом паркете. Из раны на затылке тонкими струйками сочилась алая кровь. Я отчетливо понимал, что в меня только что стреляли, потому что мышцы все еще сковывала судорога. Я видел комнату, в которой находились люди из тех моих видений, с гримасой испуга на лице и растерянными голосами. В воздухе звенела пустота, чувствовался запах ярости вперемешку с дорогим парфюмом. Обрывки ранее высказанных фраз медленно крошились в окружающем меня пространстве, словно скрывая следы произошедшего здесь убийства. В тот момент я впервые реально ощутил дыхание смерти.

– Ты испугался?

– Я был не готов умереть! – вспыхнул он, едва сдерживая раздражение от нетактичного вопроса. – Я просто был не готов умереть! Все произошло очень стремительно и неожиданно.

– Это всего лишь сон, – произнесла Анна, пытаясь понизить градус напряжения между ними.

Обычный прием провокации, используемый в психологии, на этот раз оказал слишком резкое воздействие, и она попыталась нивелировать последствия.

– Это предупреждение! – нервно улыбаясь, произнес он. – Когда я узнал, что меня ждет, то постарался все изменить. Пытался всячески избегать тех событий, которые привели бы меня к гибели. Я оборвал все связи, уехал на другой край земли, чтобы физически исключить возможность реализации этого плана. В какой-то момент мне показалось, что это удалось.

– А на самом деле нет?

Он иронично улыбнулся, пытаясь тем самым скрыть внутреннее волнение.

– Я же говорю, вы не понимаете, как это все устроено. Бесполезно прятаться и бессмысленно что-то менять. Как только пытаешься убежать от судьбы, непременно встаешь на тот путь, где она тебя поджидает.

Он опустил голову и замолчал.

– Видите это? – вдруг произнес он, указывая на темное пятно в районе виска.

– Да.

– Точно такой же отпечаток у меня в коре головного мозга, который беспощадно разлагается у меня внутри! – он обреченно вздохнул, проведя открытой ладонью по гладко выбритой коже черепа. – Когда я узнал об этом, то больше суток пролежал, не двигаясь, тупо глядя в потолок. Никак не мог поверить, что все это происходит со мной. Просто лежал и плакал, потому что душу мою охватила пустота и бессилие, настолько я был раздавлен этой новостью! – он откинулся в кресле, скрестив руки на груди. – Я ведь так старался этого избежать, так надеялся, что смогу перехитрить смерть. Но все мои метания оказались глупой попыткой спрятаться от самого себя. Как оказалось, мне не уйти от предначертанного. Не осталось больше смысла обманывать судьбу, изменять вектор событий. В некоторых случаях это бесполезно. Лучше избавиться от страха и принять все, как должное, – он замолчал, устремив взгляд куда-то вдаль.

– Не нужно ничего принимать, как должное, надо постараться победить болезнь, – эмоционально воскликнула Анна. Она попыталась вытащить его из психологической ямы, в которую он опять норовил соскользнуть.

– Нет! – сухо ответил он. – Выбора у меня не осталось, скорая встреча со смертью стала неотвратима. Поэтому я решил вернуться к ее первоначальному варианту.

– То есть? – удивилась она. – Мне не совсем понятно.

– В этом варианте есть смысл. Поэтому я должен действовать. Зная все о людях, которые постоянно курсируют в моем сознании, об их планах и намерениях, у меня есть шанс помешать им осуществить задуманное.

Он замолчал. Взгляд снова начал выискивать на поверхности пола только ему понятные изъяны. Лоб периодически морщился то ли от пронзающей боли, то ли от неприятных воспоминаний.

– Но ведь они всего лишь лицедеи в твоих сновидениях? Не слишком ли пафосно ставить знак равенства между реальностью и иллюзиями твоего сознания?

– Это будет неожиданный и молниеносный удар по их планам – не замечая вопроса, продолжил он.

– Ты меня не слышишь, что ли? – переспросила она, наклонив вперед корпус так, чтобы приблизиться к его лицу.

Своими действиями она попыталась разрушить внешнюю оболочку, которая пеленой накрыла сознание собеседника. Вызов в интонации, а также физическое приближение должны были вывести его из ступора. Она напряженно всматривалась в его лицо, пытаясь подметить

реакцию мимики, изменение размера зрачков... любые соматические проявления, которые могли бы стать для нее инструментом для дальнейших манипуляций.

В этот момент их взгляды впервые соприкоснулись. Она увидела в его глазах чистый искрящийся водоворот энергии. Он полыхал всеми красками по ту сторону хрусталика, притягивая внимание и не давая оторвать взгляд. Это было фантастическое зрелище, пугающее своей необъяснимой природой, силой и необузданностью спрятанной в нем стихии. Она почувствовала, что еще мгновение и ее сознание утратит плотность и будет сметено им, словно пушинка, и поэтому отвела взгляд. Ей понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя. Никогда еще эти слова не имели для нее такого прямого значения. Она откинулась на спинку стула и, глубоко вздохнув, скрестила руки на груди. Машинально, не задумываясь, можно сказать, интуитивно, придала рукам положение, ограждающее ее от внешнего воздействия. Он тоже, словно повинаясь ее приказу, отвел взгляд в сторону. Молчание, повисшее между ними, повело бег времени в обратном направлении. Прерванный разговор стремился вернуться к точке привычных представлений о жизни. Анна раскрыла в медкарте нужные ей странички и сделала попытку продолжить сеанс.

– Кстати, что касается новообразования в височной доле мозга... – произнесла она, как вдруг неожиданно из страниц выпала свернутая конфетная обертка. Она глухо ударилась торцом об пол и упала рядом с ее сомкнутыми стопами. Он тут же перевел на нее взгляд и задумался.

– Запонки! У него были такие запонки на манжетах. Я еще подумал, ведь он может себе позволить, но они не выглядели, как украшения. Простая функциональная деталь одежды и все.

– Это ты про кого сейчас? – озадаченная таким разворотом беседы, спросила она.

– Про президента! Я беседовал с ним недавно в его резиденции в Ново-Огарево.

Он произнес это тихо и обыденно, как будто такие встречи были для него повседневной задачей.

Анна продолжала пристально вглядываться в своего собеседника, боясь что-либо упустить и не понять.

Пациент откинулся в кресле, обхватив подлокотники ладонями и широко расставив стопы ног. Смазанные очертания его внешности придавали такой посадке схожесть с тем, как сидит в кресле сам президент. В какой-то момент это чувство превратилось для нее в наваждение.

– Он зашел в комнату поздно, часов так в десять вечера, после завершения важной встречи. Скинул пиджак, повесил его на плечики и убрал в гардероб. Тогда-то я впервые обратил внимание на его запонки. Их холодный металлический блеск диссонировал с ослепительно белой рубашкой. Мне показалось, что они стягивали манжеты, словно наручники на его запястьях.

– Да уж... наручники! – не сдерживая эмоций, вставила свой комментарий Анна.

– Так, по крайней мере, мне показалось. Он не сразу меня заметил, но когда наши взгляды пересеклись, то был крайне удивлен. Не отрывая от меня взгляда, президент расстегнул браслет часов и положил их на край стола, автоматически посмотрев на лежавшие там же красные папки с докладами от спецслужб. В тот момент он больше был обеспокоен тем, что я мог ознакомиться с их содержанием, нежели причиной моего присутствия в самом центре охраняемой территории. Он не паниковал, лишь был слегка взволнован. В принципе, как и любой другой в подобной ситуации. Затем он опустил в кресло напротив, внимательно посмотрел мне в глаза и со сдержанной улыбкой спросил:

– Ну и что же мы теперь будем делать?

– Необходимо поговорить! – спокойно ответил я.

– Не лучший способ вы для этого избрали, – произнес он, пытаясь визуально оценить исходящие для него риски. – Вы хоть понимаете, чем все может для вас закончиться?

– Там у вас конфеты в вазочке стоят... Я без вас не решился попробовать. Позвольте?

– Угощайтесь, – удивившись такому развитию ситуации, с натянутой улыбкой ответил президент.

Я встал и направился в другой угол комнаты, при этом находился спиной к нему и был в постоянном поле зрения. Поход за конфетами занял секунд сорок. Этого времени было вполне достаточно, чтобы хоть что-то предпринять, дабы обезопасить себя от непрошеного гостя. Я нечто подобного ожидал. Но, к моему удивлению, президент продолжал сидеть в своем кресле и наблюдать, лишь периодически вращая стопами ног. Он, безусловно, был взволнован моим присутствием, что проявлялось в таких вот произвольных мышечных движениях, а главное, пока не понимал цель визита. Однако сам визит, особенно в такой форме, его заинтересовал.

Я поставил вазу на край стола так, чтобы она оказалась примерно посередине между нами. При этом демонстративно небрежно отодвинул вглубь те самые красные папки, в которых находились сведения, составляющие государственную тайну, и опустил в кресло напротив.

– Я не читал. Не было необходимости.

– Это теперь не имеет никакого значения, – он спрятал свою улыбку, но холодная интонация сквозила в каждом слове. Он точно знал, что воспользоваться этими сведениями мне теперь вряд ли удастся.

– Да? Ну и ладно! Просто посчитал нужным проинформировать.

Я продолжал говорить непринужденно, стараясь не придавать эмоциональность словам. – Конфеты точно не будете?

– Нет, спасибо.

– А я, знаете ли, сладкоежка. Не могу удержаться, когда вижу что-то сладкое. Руки прямо сами тянутся.

– Да вы угощайтесь, угощайтесь, – президент одобрительно махнул рукой, внимательно наблюдая, как я разворачиваю очередную конфету и аккуратно скручиваю обертку в тонкую трубочку. Его глаза следили за моими руками, но мысли были сосредоточены на другом. Свет мутных хрусталиков напряженно сканировал пространство. Бесцветное лицо выдавало дикую усталость от прошедшего дня. Его внимание не было занято мной, сейчас он просчитывал варианты. В этом клубе улыбающихся лиц ни на секунду нельзя потерять концентрацию, утратить внимание, сосредоточенность на словах, жестах окружающих членов. Любое слово, движение глаз могут выдать их скрытые намерения. Здесь не бывает прямых вопросов и практически исключены прямые ответы. Поэтому он наблюдал, как питон наблюдает за кроликом, с каждой секундой уменьшая его шансы на жизнь. Пока что ему было интересно, с чем было связано появление незнакомого человека в его кабинете. Какие силы обеспечили мне сюда доступ? Какие цели я преследую и что намерен предпринять?

– И все равно вкус у конфет не такой, как в детстве. Тогда все было натуральней, что ли. Шоколад был шоколадом, фруктовая помада изготавливалась из фруктов. Сейчас же – эмульгаторы, консерванты, усилители вкуса. Детей угощаешь – как отраву даешь. А чаем конфету запить – не дай бог! Сразу устойчивое послевкусие, как будто на уроке химии реактивы съел. Экономят, мерзавцы! – с чувством злорадства сказал я. – Заметьте, экономят на здоровье наших детей. Не на энергоносителях, не на производственных издержках, не на любовницах своих, в конце концов. На здоровье нашем экономят, подлецы. Продукты в магазине выбираешь не по надобности, а по наименьшей степени опасности. Дожили! – добавил я, взяв очередную конфету. – О, «Рошен»! Надо же, это многое объясняет.

Я резко замолчал и, не отводя от него взгляда, начал энергично стряхивать с колен на пол крошки от съеденного только что печенья. Президент брезгливо поморщился.

– Послевкусие от конфет! – как ни в чем не бывало, продолжил я. – Как они это делают? Умом ведь понимаю, что уже достаточно наелся, но это сладостное ощущение блаженства не отпускает, заставляет брать следующую. Что они туда добавляют? Как им удастся лишить человека воли и внутренних тормозов, заставить поверить, что все происходит по его собственному желанию?

Бросив короткий взгляд на вазу с конфетами, я тут же отодвинул ее от себя. Он молча продолжал наблюдать за мной. Он понимал, что реприза с вазой конфет была явно не главной в этом спектакле. Он ждал основных мизансцен.

– Что им от нас нужно?

– Вы сейчас про кого? Про кондитеров? – с ухмылкой ответил президент.

– Да, про этих мировых поставщиков сладенького. Что им от нас нужно вообще? Что им никак нейдет в своих удобных кабинетах? Посмотрите, во что они превратили весь остальной мир. Не видят же ничего, кроме сухих цифр о прибыли. Ни стран, ни народов, ни людей! Для них это просто рынок, расширение собственных прилавков как торговой площади в супермаркете. Что это там, Болгария? Подвинем. Здесь у нас запланирован новый павильон. Сломанные судьбы людей, говорите? Ну и что? В любом бизнесе есть побочный эффект. Кто не уступает землю под строительство? Томагавками его, заразу, чтобы остальным неповадно было. Заодно расчистим место под котлован. Ничего личного, просто расширение рынка, сфер влияния, решение геополитических задач. Торговля встала? Так, подвинем стенку вашего домовладения, организуем государственный переворот, чтобы обеспечить свой бизнес новыми голодными ртами. Только чтобы рабам было не так обидно, назовем это «революцией достоинств». А на смерть людей плевать. Там люди гибнут, а они обсуждают какие-то пошлины на ввозимые товары. Им лишь бы место освободить под очередной ларек, и чтобы никто не оттяпал при этом пару полок в их супермаркете. Это же революция, у нее должны быть свои жертвы, герои, так сказать, завтрашнего дня. И все это в красивой и приятной на ощупь упаковке под предлогом продвижения демократии и свобод личности. Такой вот привлекательный маркетинговый ход. Эти ваши политические лозунги – всего лишь баннеры для продвижения собственного бизнеса. Какие вы, к черту, лидеры стран? Так, торговые представители транснациональных корпораций.

Тут я, конечно, не сдержался и рассмеялся. Это был нервный смех, уж очень меня передергивает, когда я говорю об их извращенном представлении об устройстве мира. Потом пристально впился взглядом в его серые безразличные глаза и спросил:

– Так вот я спрашиваю, что вам, в конце концов, надо-то от нас? Вам и вашим, так называемым, западным партнерам.

– С чего вы взяли, что я буду с вами это обсуждать?

Президент смотрел на меня без особых эмоций. Ничего нового для себя он не услышал. Внутреннее ощущение собственного превосходства лишало его всяческой заинтересованности в навязанной мной дискуссии.

– А потому что у вас нет выбора! Вам придется продолжить диалог, иначе вы не сможете узнать, кто я, как здесь оказался и какие цели преследую? Этот вопрос написан у вас на лице, вычерчен мимическими морщинами, скован в сжатых кулаках и нервно бегающем взгляде.

– Почему же? Я могу просто вызвать охрану и через некоторое время получу ответы на искомые вопросы.

– Если бы вы считали это целесообразным, вы бы это уже сделали. Однако...

Президент опустил взгляд, мысленно просчитывая различные варианты. Он, как обычно, предпочел быть осторожным в принятии решения. По крайней мере, мне так показалось. Я не услышал от него приглашения к разговору, но сел напротив и начал говорить.

– Каково оно – впервые попасть в это общество лакированных лиц, дорогих аксессуаров? Людей, наделенных особыми регалиями, титулами? Людей, контролирующих все капи-

талы мира? В общество игроков, делающих мировую политику, где вопросы решаются одним кивком головы? Каково оно – ощущать себя равным среди тех, кто считает себя выше остальных и наделяет себя правом решать за этих остальных все остальное? – я сделал паузу, чтобы оценить его реакцию. – Хотя понимание, что президент РФ им не ровня, пришло к вам не сразу, только после отказа директора МВФ Камдессю в обычной аудиенции, на которой вы хотели обсудить возврат долга «Парижскому клубу». Да и кто вы для них? Очередной президент, пусть даже самой большой европейской страны. Они расставляют таких президентов во многих странах чуть ли не ежедневно после вечернего чаепития в своем поместье в Лондоне. Послушных, обласканных ими, а строптивых демонстративно казнят. Нет! Титулы их не смущают. Они настоящие хозяева жизни, в их руках самое эффективное оружие экономической экспансии – мировая финансовая система. Это плод их творения, их детище, над которым они трудились много десятилетий. Теперь же, когда она, как раковая опухоль, пустила метастазы во всех странах мира, каждый из них реально ощутил, какой силой они обладают. Благодаря этой феерической возможности они без единого выстрела оккупируют любые страны, лишают их фактической независимости, навязывают политические решения.

Ядовитая улыбка на моем лице выдавала внутреннее раздражение.

– Нет, то, что вы президент, это их не смутит. Вот деньги – да! Наличие огромного личного капитала – вот что позволит разговаривать с ними на равных, ощущать трепет и подобострастие стоящих ниже по финансовой лестнице. Вам ведь так этого хотелось. Только наличие собственного капитала, по размерам сравнимого с их, давало вам возможность тешить свои внутренние амбиции ощущением значимости в этой игре. И вы эту задачу решили без видимых усилий. Еще бы! В вашем распоряжении такая богатая страна!

Президент молчал. Он даже не пытался вступать в дискуссию, всем видом показывая свое безразличие к вышесказанному. Однако его взгляд стал более цепким, чем в начале, скрупулезнее в оценке сидящего напротив человека. Он анализировал мою речь, структуру построения предложений, прочие мелочи, на которые обычно не обращают внимания, но которые очень информативны. Давно забытые им профессиональные навыки стали всплывать на поверхность из глубин подсознания. Уж слишком необычную форму стала приобретать беседа. Озвученные в ней факты не были доступны широкому кругу лиц. Это были его личные переживания в самом начале прихода к власти, очень чувствительные и потому нигде не афишируемые. Откуда я это мог это знать – пока оставалось для него загадкой.

– Это пьянящее чувство мнимой значимости человека первого круга, эти лакейские взгляды со стороны... Власть и могущество не только в пределах своей страны, но и всего мира. Эти лестные отзывы, признание заслуг. Все это сводит с ума. Какой живительный бальзам на уязвленное самолюбие! Но чувство собственной неотразимости способно уничтожить восприятие реальности даже в самом критически настроенном сознании, – я продолжал говорить издевательским тоном, пытаясь разогнать в нём ответные эмоции. – Столько лет вы пытались казаться для них своим, расценивая похлопывание по плечу как проявление дружбы и единства интересов. Вашего единства с их интересами, заметьте, если вы не поняли, господин Президент!

В этот момент я поднялся с кресла и направился вглубь кабинета. Сунув руки в карманы брюк и уткнувшись взглядом в пол, я продолжал говорить, расхаживая при этом взад и вперед вдоль длинного рабочего стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.